

ском, немецком и венгерском языках. Значения некоторых заглавных слов следовало бы, однако, уточнить. Например, рус. перевод слав. *бръкъ* “берег, скала”, по мнению наших палеословенистов, неточный; исконно эта лексическая единица означала прежде всего “склон, откос, косогор, скат” (более правильным кажется немецкий перевод „Rand, Ufer, Hügel, Abhang”). В случае надобности перевод слова на венгерский язык снабжен культурно-историческим или страноведческим комментарием (ср. *мытарь* <4> с. м. = мытарь, сборник пошлин, податей, мздоимец; Zöllner, vámos, vámszedő /aki az adót és a vámpot észédte, vagy megvette ennek a jogait/). Давать такой комментарий авторы считали особенно необходимым при освещении собственных имен (ср. *Назарет* <7> геогр. м. = Назарет; Nazareth; Nazáret /kisváros Dél-Galileában, az Egyiptomból történt visszatérés után itt élt Jézus, a „nazaret” szó héberül „virág”, „sarj”, utalás a Messiásra/). Нам кажется очень полезным, что уделяется соответствующее внимание характеристике реалий и терминов (особенно церковных); без них специалисту, пользующемуся словарем, не обойтись. Арабскими цифрами после слов в экспоненте обозначены омонимы. Затем перечисляются все формы данного слова, встречающиеся в анализируемых источниках. Они демонстрируются в контексте, в словосочетаниях. Точно цитируется место приведенных форм в текстах рукописей, индекс оригинала и номер страницы. Если это тексты из Библии, точно указывается тот отрывок, где данное слово встречается.

Хорошую оценку заслуживает способ, каким были включены в словарь т. наз. грамматические слова. Например, первый том словаря содержит, между прочим, два заглавных слова – союз *бо* и предлог *въ*, которые представляют для лексикографической обработки определенные трудности. Составители здесь сосредоточились на их основных значениях, которые они проиллюстрировали однозначными примерами. Таким образом получилась наглядная словарная статья, предоставляющая читателю все нужные основные информации.

В конце каждого указания отмечено, вошло ли данное слово в словарь Л. Садника и Р. Айцетмюллера (L. Sadnik – R. Aitzetmüller: „*Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*”. Heidelberg 1955), в выше упомянутый словарь И. И. Срезневского и в т. наз. Пражский словарь („*Slovník jazyka staroslověnského*”. Sešit 1–40 (A–Y). Praha 1958–1992).

Предлагаемый словарь-индекс – интересное, полезное и нужное издание. Словарь содержит ценный материал, который может быть использован для различных лингвистических исследований. Он является также необходимым справочным пособием для широкого круга специалистов, студентов гуманитарных вузов и для всех любителей и ценителей старославянского языка. Всему коллективу сотрудников следует выразить искреннюю благодарность за выполненную работу и пожелание скорого завершения работы над последним, третьим томом.

Алеш Бранднер

Станислав Александрович Рылов: Синтаксическая организация древнерусской речи. Учебное пособие. Нижний Новгород, 1990, 87 стр.

Синтаксис как высший языковой уровень представляет большой интерес для лингвистов, исследующих историю языка. Именно в синтаксисе реализуются важнейшие функции языка и речи: коммуникативная, функции формирования и выражения актов сознания и мышления человека, моделирующая. Развитие синтаксического строя русского языка в целом ряде случаев находится в тесной связи с процессами, происходи-

выми в области морфологии (ср. судьбу двойственного числа, расширение функции полных прилагательных, категорию одушевленности, исчезновение спрягаемых форм *есмя, еси* ... и др.). Без знания развития синтаксического строя в истории русского языка трудно правильно понять многие синтаксические явления современного русского языка.

Рецензируемая работа является учебным пособием, которое предназначено для студентов-русистов, посещающих одноименный спецкурс. В пособии описывается грамматическая структура др.-рус. и ст.-рус. речи на уровне простого предложения в функциональном плане – с точки зрения активности использования синтаксических единиц и категорий в художественно-повествовательных и деловых текстах, относящихся к разным периодам истории языка. Иными словами, настоящее учебное пособие не претендует на изложение исторического синтаксиса в сколько-нибудь в полном объеме его проблематики. Теоретическая разработка вопросов дается в четырех разделах. Им предшествует *“Введение”* (с. 3–13). В нем определяется предмет и проблематика исторического синтаксиса, описываются основные методологические принципы его исследования, объясняются возможности применения вероятностно-статистического метода при его изучении, подчеркивается важность памятников письменности, дающих материал для изучения синтаксиса русской речи в ее историческом развитии. Материалом для наблюдений послужили художественно-повествовательные и деловые тексты трех временных периодов: XII–XIII вв., XIV–XVI вв., XVII в. Р. не принимает во внимание различие памятников по их территориальной принадлежности, а сосредоточивается прежде всего на их стилевую отнесенность.

В первом разделе (*“Основные термины: язык – речь – текст; синтаксическая организация речи”*, с. 14–23) Р. объясняет значение терминов “язык – речь”. Они тесно взаимосвязаны. В тексте представлена речь определенного периода существования языка. Однако вместе с тем текст – явление другого уровня: это прежде всего речевой материал. Р. приводит три трактовки понятия “текст” (издательская, семиотическая, филологическая). Далее представляются важные с лингвистической точки зрения аспекты в проблеме “речь – текст”. Важным подходом в изучении синтаксического формирования речи в ее историческом развитии является выявление закономерностей в синтаксической организации др.-рус. и ст.-рус. речи на уровне простого предложения.

Одним из основополагающих вопросов является вопрос о том, что должно быть объектом исследования. Эта проблема решается во втором разделе (*“Предложение-высказывание как объект исторического синтаксиса. Грамматическая структура + предложение-высказывания в историческом аспекте”*, с. 24–37). Основной синтаксической единицей считается предложение, так как именно оно является минимальной коммуникативной единицей. В настоящем разделе упоминаются заслуги представителей Пражской лингвистической школы в последовательном разграничении предложения в языке, толкуются термины “предложение” и “высказывание”. Проходятся отдельные структурные элементы, составляющие синтаксическую модель простого предложения – члены предложения, отношения между ними, порядок их расположения. Р. отмечает, что грамматическая структура простого предложения в истории рус. языка останется совершенно неизученной и неясной, почти отсутствуют конкретные исследования, которые были бы представлены на широком историческом материале.

Роль структурных типов простого предложения в синтаксической организации речи описывается в третьем разделе (*“Структурные типы простого предложения и функционирование высказывания разных структурных типов в древнерусской и старорусской речи”*, 38–58). Здесь анализируются межстилевые и хронологические различия в их функционировании. Анализ показал, что в др.-рус. и ст.-рус. речи были широко

представлены: тип двусоставного предложения, тип односоставного предложения и все его структурно-семантические разновидности – определенно-личное, неопределенно-личное, безличное, инфинитивное, номинативное, вокативное. При сопоставлении текстов одинакового периода двусоставные предложения чаще встречались в художественно-повествовательных текстах, между тем как в деловой речи оказались более употребительными односоставные предложения. Проведенные исследования позволили, однако, установить тенденцию значительного возрастания в XVIII в., по сравнению с предшествующими периодами, употребительности двусоставных предложений и, напротив, снижение активности односоставных.

Существенной характеристикой грамматической структуры высказывания считается его протяженность. Этот параметр показывает степень ее развернутости. Проблематика рассматривается в четвертом разделе (*“Протяженность предложения-высказывания как показатель синтаксической организации речи на разных этапах истории русского языка”*, с. 59–76). Размер предложения *P*. воспринимает как историческую категорию. Чтобы определить среднюю длину (средний размер) высказывания, *P.* приводит формулу, по которой можно ее вычислить. Осуществленный разбор выявил тенденцию к постепенному увеличению средней длины простого предложения., причем если в деловых текстах она оказалась отчетливее и значительнее, то в художественно-повествовательных текстах она имела более сложный характер: в XVIII–XIX вв. проявлялась и противоположно направленная тенденция к уменьшению по сравнению с XVII в. В XX в. она стала немного возрастать.

Закономерности синтаксической организации др.-рус. и ст.-рус. речи, полученные на основании совершенного анализа, указываются в *“Заключении”* (с. 77–79). Следуют список научной литературы по данной проблематике (*“Литература”*, с. 80–85), *“Условные сокращения”* (с. 85–86) и *“Содержание”* (с. 87). Описываемые результаты и выводы сделанных исследований автор не считает законченными, так как проблематика синтаксической организации др.-рус. и ст.-рус. речи является сложной и многосторонней; тем не менее они могут служить основой для дальнейшей разработки данной дисциплины.

Алеш Бранднер

Anastasija Vojtenko: Lexiščeskij atlas Moskovskoj oblasti. Moskva 1991, 223 s.

Atlas zachycující lexikální rozrůznění dialektů moskevské oblasti je výsledkem mnohaleté práce badatelky Moskevského oblastního pedagogického institutu. O lexikum tohoto regionu se autorka zajímala řadu let, už od roku 1959 totiž sbírala materiál pro *Slovar' gorov Podmoskovskovja /dále SGP/* (vyšel ještě pod jejím dívčím jménem A. F. Ivanovová v roce 1969). Podnícena svým učitelem N. I. Tolstým přistoupila pak k jazykovězeměpisnému zobrazení lexika sledované oblasti. Na základě poznatků z již zmíněného slovníku sestavila dotazník pro terénní sběr pro atlas. Podle něho pak počátkem sedmdesátých let za pomoci členů rodiny a studentů z jednoho ročníku dálkového studia (menší část dotazníků vyplňovali též místní učitelé korespondenčně) shromáždila obsáhlý materiál, který je z podstatné části představen ve výše uvedeném díle. Podle dotazníku bylo prozkoumáno kolem 1000 lokalit, na mapách je však použita síť, která zahrnuje 300 bodů. Moskevská oblast je velká téměř jako Čechy (47.000 km²), žije v ní více než 6 milionů obyvatel (bez Moskvy), síť je tedy zhruba stejně hustá jako v Českém jazykovém atlasu. Rukopis atlasu byl dokončen již patnáct let před svým vydáním (v roce 1976), avšak materiál v něm obsažený byl ještě přibližně doplňován až do roku 1984.